

— Он безумно милый~

— Такой послушный мальчик~

— Ха-ха, ребята говорят, что он вылитый я!~

Годжо Сатору отправил несколько сообщений подряд. Взглянув на имя контакта на экране, он приподнял пальцем повязку, закрывавшую глаза, и хрипло пробормотал под нос:

— Ох... Ну надо же. С чего это мне вдруг плакать захотелось?

Жуткое дело. Неужели это так дает о себе знать приближающийся тридцатилетний рубеж — кризис среднего возраста во всей красе?

То-то Яга вечно ходит мрачнее тучи. М-да~

Пока Сатору лениво размышлял о всякой чепухе, Харе, ушедший немного вперед, заметил, что учитель отстал. Он остановился и оглянулся:

— Господин Годжо?

Может, это было лишь иллюзией, но Харе показалось, что одинокая фигура отца, застывшая позади, веет щемящей тоской.

Неужели он скучает по маме Гето?

Харе помнил из архивных документов, что с тех пор, как родители разошлись в Синдзюку, прошло почти десять лет. Они не виделись все эти годы. Но ведь их чувства были так сильны... Они просто не могли не тосковать друг по другу.

От одной этой мысли у Харе сжималось сердце. Он уже собирался подобрать какие-нибудь слова утешения для папы Годжо, как тот, сияя улыбкой, спрятал телефон в карман и быстро нагнал его.

Длинная, сильная рука привычным, естественным жестом опустилась на плечо Харе. Годжо ласково потрепал его по макушке:

— Чего застыл? О чем задумался? В твоём возрасте, если только забивать голову мыслями и плохо есть, можно остаться коротышкой на всю жизнь~

— Э-э?

Правда? Если много думать, то не вырастешь?!

Харе нешуточно перепугался. Неужели именно поэтому он до сих пор не дотянул даже до среднего роста своих родителей?!

Он незаметно приподнялся на цыпочках — и все равно едва достал макушкой до подбородка папы Годжо... Перед глазами тут же всплыло, как Сукуна, прижимая ладонью его голову, насмешливо обзывал его «мелочью пузатой». Белокурый щенок внутри Харе жалобно заскулил и повесил уши.

Хотя с ростом истинного обличия Сукуны любой нормальный человек покажется букашкой! К тому же он ведь еще растет!

Погрустив лишь мгновение, Харе мысленно подбодрил себя и воспрянул духом.

В лапшичной яблоку негде было упасть, но им повезло — прямо к их приходу освободился столик.

Ребята, только что вернувшиеся с задания, уплетали лапшу за обе щеки, позабыв обо всем на свете. Харе, пусть и не сражался физически, потратил на перемещение сквозь пространство и время прорву сил, что измотало его куда сильнее любого физического боя. Он чувствовал себя смертельно уставшим.

Да и нормальной еды он толком не видел уже давно — последним, что перепало его желудку, была теплая вода с медом, которую приготовил Сукуна. Стоило Харе сделать первый глоток горячего наваристого бульона, как по телу разлилась неопишуемая благодать.

Казалось, утомленная плоть наконец-то получила заслуженное подношение.

Замерзшие на ветру уши и кончик носа Харе мгновенно отогрелись. Обхватив теплую пиалу забинтованными пальцами, он сделал глубокий глоток ароматного бульона и вдруг отчетливо понял, почему Сукуна так ценил изысканную еду.

— Как вкусно... — не удержавшись, прошептал Харе.

— Ну еще бы! Мои рекомендации осечек не дают, — Годжо Сатору подпер щеку рукой, самодовольно приподняв уголки губ, и протянул ему меню. — Кстати, у них потрясающие десерты. Лично я советую нежнейший лаймовый чизкейк с чаем матча. В меру кислый, освежающий — идеальное завершение трапезы!

Он вещал тоном первоклассного зазывалы, сияя улыбкой и показывая большой палец.

Маки посмотрела на него с крайним сомнением:

— Серьезно?

Инумаки Тогэ тоже проявил интерес и придвинулся ближе к Харе. Две белобрысые макушки склонились над картой десертов.

Сидевший напротив них Оккоцу Юта вдруг побледнел, вспомнив кое-что из прошлого.

Ладно всё остальное, но доверять советам господина Годжо в том, что касалось сладкого... Все присутствующие, за исключением Харе, знали, чем это грозит.

Их учитель был не просто сладкоежкой, а настоящим сахарным маньяком!

Уровень сладости, который он считал «нормальным», у обычного человека мог вызвать мгновенную кому!

Как-то раз ради шутки они тайком вытащили из холодильника в его кабинете кусок торта, заменив его на плитку горького черного шоколада. А чтобы «добыча» не пропадала, решили съесть торт сами...

Боже, они едва не задохнулись от приторности!

Но самое обидное случилось потом: господин Годжо, как бы невзначай проходивший мимо, с самым невинным видом протянул им тарелку с угощением — якобы чтобы «перебить сладость». Измученные ребята, не глядя, запихнули предложенное в рот, и только когда их едва не вывернуло наизнанку от горечи, поняли, что это был тот самый горький шоколад, который они приготовили для розыгрыша!

Юта содрогнулся от нахлынувших воспоминаний. Инумаки, кажется, тоже освежил память — он спешно выпрямился и смирно сложил руки, явно передумав что-либо заказывать.

Зато наевшийся Харе с упоением изучал меню. Выглядел он настолько счастливым, что Маки почудилось, будто вокруг него так и распускаются розовые бутоны.

Вскоре Харе поднял сияющие глаза и радостно спросил:

— Господин Годжо, а можно мне заказать сразу два?!

Ему безумно хотелось попробовать и лаймовый чизкейк, который посоветовал папа, и этот очаровательный пудинг в виде Hello Kitty. В этом выборе крылось какое-то неуловимое, теплое созвучие с Сукуной.

Годжо Сатору тут же великодушно отмахнулся:

— Конечно! Заказывай все, что приглянется. Если не осилишь, я с радостью помогу справиться с остатками~

Его легкий, певучий голос невольно заставлял улыбнуться.

Троица первокурсников переглянулась, и в их глазах снова промелькнуло подозрение.

Маки прошептала:

— Похоже, у нас тут еще один сахарный маньяк...

Юта добавил:

— Кажется, теперь я отчетливо представляю, как выглядел бы ребенок господина Годжо.

— Лосось с майонезом? — многозначительно кивнул Инумаки, что на его языке означало: «И я о том же. Они точно не родственники?»

И действительно, пусть господин Годжо никогда не вел себя как подобает учителю, всегда казался простым, излишне дружелюбным и готовым поболтать с кем угодно, на самом деле он держал людей на приличной дистанции. Сблизиться с ним по-настоящему было невероятно трудно.

Но с Харе он вел себя так тепло и непринужденно, словно между ними вообще не существовало никаких преград.

Это выглядело чертовски подозрительно.

Сквозь плотную повязку Годжо Сатору незаметно наблюдал за Харе, который как раз диктовал заказ официанту. Тонкие, хрупкие плечи мальчика заставили его слегка поджать губы. Вполборота слушая перешептывания учеников, он продолжал строчить сообщения в чат:

«— Только вот ест он совсем плохо, как погляжу~»

«— Он даже хуже, чем ты в то наше лето...»

«— Прямо тянет скупить для него все лакомства мира!»

«— o(□□□ o #)»

Вдобавок к тексту он отправил забавный стикер с насупившимся котом.

На экране безмолвного доселе чата наконец загорелся красный кружок уведомления. Первым прилетел стикер с поглаживанием кошачьей макушки, а следом — короткая строчка:

«— Сатору, не вздумай его напугать.»

В главном храме Культа Древних Сказаний его глава, Гето Сугуру, облаченный в темную шелковую сутану-кеса, восседал в глубине молельного зала. Волосы его были наполовину распущены, а мягкий, бархатистый голос неторопливо излагал суть буддийских сутр.

На устилающих татами циновках чинно расположились десятки прихожан, благоговейно внимая каждому его слову.

За стенами храма эти люди были влиятельными богачами и магнатами, но здесь они становились лишь покорной паствой.

В их глазах господин Гето являлся всемогущим спасителем, способным избавить их от невидимой скверны и проклятий, отравляющих жизнь. Чтобы снискать его благосклонность и защиту, эти толстосумы регулярно жертвовали культу баснословные суммы. Возможность лично присутствовать на проповедях патриарха была для них высшей привилегией.

Именно так выглядел источник дохода организации под предводительством Гето Сугуру.

Однако сегодня проповедь длилась недолго — тишину нарушил негромкий сигнал входящего сообщения. Присутствующие заметили, как их наставник с невозмутимым лицом достал телефон и положил его на лакированный столик рядом.

Гето не стал открывать чат, продолжая толковать основы медитации дзадзэн, но назойливый аппарат звякнул снова, а за ним еще и еще раз.

«Раздражает», — Сугуру едва заметно нахмурился. Любопытные взгляды «обезьян», сидевших перед ним, вызывали у него лишь глухое отвращение.

Жестом руки он ласково призвал паству сосредоточиться на дыхании, а сам опустил взгляд на экран. Улыбка мгновенно сошла с его лица.

Он прекрасно знал, от кого эти весточки, и понимал, о ком в них идет речь. Примерно месяц назад ему приснился поразительно странный сон.

В том сне черноволосый юноша, неуловимо похожий на него самого, обнимал его и сквозь слезы звал мамой. Затем его темные пряди медленно наливались белизной, тело истощалось, а пронзительно-голубые глаза наполнялись горькими слезами, когда он умолял Сугуру не умирать...

Цвет этих глаз в точности повторял оттенок радужки человека, чей образ Гето хранил в самых потаенных уголках своей души. Удивительно, но едва очнувшись от того сна, он получил сообщение от Сатору.

Тому привиделось то же самое.

Мальчика в их общем кошмаре звали Харе Гето.

И он был их с Сатору сыном...

До последнего момента Сугуру убеждал себя, что это глупый бред. Вероятно, они с Сатору просто попали под действие какого-то изощренного ментального проклятия. Но сегодня, наткнувшись на имя Харе в закрытой сети магов и узнав, что Сатору лично отправился забрать его, он осознал: этот ребенок существует наяву.

Впервые за долгие годы он почувствовал легкий трепет.

Пальцы, коснувшиеся экрана, предательски вздрогнули. Но открыв чат, Гето испытал легкое разочарование — все присланные снимки оказались смазанными. И Сатору, и мальчик превратились в размытые, нечеткие силуэты.

— Ну что за придурок... — с тихим вздохом усмехнулся Гето.

Сатору так отчаянно пытался казаться невозмутимым, хотя сам наверняка нервничал не меньше. Дурак.

Он молча приближал каждое размытое изображение, силясь разглядеть черты лица. Да, сквозь пиксели действительно угадывался тот самый юноша из его снов.

В молельном зале царила благоговейная тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием погруженных в медитацию прихожан. На чайном столике Гето Сугуру бесшумно осыпался пепел зажженного благовония. В это же мгновение в токийской лапшичной перед гостями выставили десерты. Сатору и Харе синхронно зачерпнули по огромной ложке лакомства, и на их холеных лицах расплылось абсолютно одинаковое выражение блаженства.

Маки перевела взгляд с одного на другого, не выдержала и спросила:

— Слушай, Харе, извини за нескромность, но мне безумно интересно... А какие у тебя родители?

Харе, увлеченный десертом, замер на полуслове.

По спине пополз холодный пот.

Так, стоп. Неужели тетушка Маки что-то заподозрила?

Будь его волосы прежнего, черного цвета, он не был бы так похож на папу. Но теперь, когда они побелели, сидеть вот так плечом к плечу с отцом и надеяться остаться незамеченным было

верхом глупости.

С другой стороны, он ведь только-только прибыл в эту временную линию. Никаких прямых улик нет, никто в этом мире не должен знать правды.

— Кхм, — Харе постарался взять себя в руки и тихо кашлянул. — Они... очень хорошие и добрые. И невероятно ответственные. Защитили очень многих людей...

Он слегка повернул голову и заметил, с каким неподдельным вниманием вслушивается в его слова папа Годжо. Щеки Харе мгновенно вспыхнули, и он смущенно уткнулся в тарелку:

— Они всегда были для меня примером.

Годжо Сатору удивленно вскинул голову. Слова мальчика задели в его душе какую-то невидимую струну. Помолчав секунду, он торопливо застрочил новое сообщение Гето, спеша поделиться нахлынувшими чувствами:

«— О боже, Сугуру, нас только что похвалили!~»

«— Я так счастлив!~»

— Хм, если заговорили о родителях... — Сатору откинулся на спинку стула, устремив взгляд куда-то сквозь пространство. — Я ведь с раннего детства рос в главном поместье клана. Меня воспитывали как будущего главу только потому, что я родился сильнейшим. С родителями мы почти не виделись.

Подобные откровения из его уст были редкостью. Первокурсники тут же наострили уши, а Харе затаил дыхание, боясь упустить хоть слово.

— Ну да ладно, — Годжо беззаботно рассмеялся, ловя на себе их любопытные взгляды. — Суть в том, что у меня почти не осталось воспоминаний о них. Из-за этого я всегда считал, что из меня выйдет паршивый отец. Только что подумал: каково это — быть моим ребенком? Наверное, сплошная мука~

Под конец его шуточный тон сменился едва различимым, грустным вздохом.

Если сны не врани... то они с Сугуру действительно оказались отвратительными родителями.

— Вовсе нет... — одними губами прошептал Харе.

Опровержение едва не сорвалось с его языка, но его тихий голос потонул в недоуменных возгласах сидевших рядом ребят.

— Ого, какие откровения, — приснула Маки.

Услышать от господина Годжо признание собственной неидеальности — это что-то из разряда фантастики. Солнце скорее взойдет на западе!

Уж она-то прекрасно знала: если отбросить выдающуюся силу этого недотепы, характер у него был на редкость невыносимый.

Принадлежа к клану Дзэнъин, она еще до поступления в Техническую школу магии была наслышана о главе семейства Годжо — человеке, чье превосходство бесило до зубовного скрежета. На первом курсе ей довелось стать свидетельницей грандиозного пари, которое старшекурсники заключили с учителем.

Условия были простыми: состязаться во всем, кроме техник. Кулинария, письменные тесты, генеральная уборка, починка вещей — они отчаянно пытались нащупать хоть одну слабость этого всемогущего монстра.

Разумеется, затея с треском провалилась. Выпускники потерпели сокрушительное поражение, а этот несносный эгоист лишь лучезарно улыбался, подливая масла в огонь: «Ой, ну простите! Что поделать, если ваш учитель лучший абсолютно во всем?~»

В тот день обозленные старшие товарищи с горя умяли по три лишних порции риса!

Инумаки, тоже помнивший тот случай, усердно закивал:

— Лосось, лосось! — «Действительно, слышать от него такое — чудо чудное!»

Поступивший позже остальных Юта, который по-прежнему смотрел на наставника сквозь розовые очки благоговения, робко заметил:

— А по-моему, вы слишком строги к нему. Господин Годжо просто скромничает...

Маки и Тогэ уставились на него с немым вопросом: «Ты это серьезно?»

Они уже приготовились хорошенько встряхнуть Оккоцу, чтобы выбить из его головы эту глупость, как вдруг заметили, что их новый знакомый низко опустил голову. Плечи Харе мелко подрагивали, а пушистые белые пряди поникли, точь-в-точь как прижатый хвост щенка.

— Эй... Ты чего? Почему ты плачешь?! — Маки испуганно подскочила с места.

Юта тоже засуетился, решив, что они как-то задели чувства парня, а Инумаки принялся судорожно совать ему бумажные салфетки.

Харе не смел поднять глаз. Его плечи содрогались от беззвучных рыданий, а голос звучал хрипло и надтреснуто:

— П-пожалуйста, не обращайтесь внимания... Я просто... слишком плаксивый...

Ткань повязки на его глазах быстро темнела от влаги. Как бы сильно он ни прикусывал губу, слезы продолжали катиться по щекам.

Оказывается... папа действительно переживал, что сыну с ним будет тяжело.

— Ха-ха! Должно быть, десерты оказались настолько великолепными, что наш дорогой Харе не смог сдержать слез радости! — Сатору мягко вмешался, разряжая обстановку.

Когда все наконец успокоились, он оплатил счет, и они не спеша пошли обратно в Техническую школу магии. По дороге Сатору тайком набрал сообщение для Сугуру:

«— Дело дрянь. Кажется, я довел ребенка до слез.»

Когда палочка благовония догорела, Гето Сугуру завершил проповедь. На его безупречном лице сияла мягкая, отрешенная улыбка, с которой он терпеливо выслушивал пустые слова благодарности от покидающих зал прихожан. Лишь когда тяжелые двери захлопнулись и помещение опустело, уголки его губ мгновенно опустились.

Спертый, душный воздух и необходимость дышать им в одном пространстве с этими жалкими «обезьянами» вызывали у него тошноту. К тому же сегодня все его мысли были заняты совершенно другим.

В зал вошла Манами Суда — секретарь и казначей культа. Держа в руках планшет, она первым делом распахнула окна, впуская свежий воздух:

— Господин Гето, завтра у нас по плану встреча с представителями консорциума Мияма...

Их прервал очередной настойчивый звонок телефона.

Она замолчала на полуслове. Манами заметила, как угрюмое выражение лица их предводителя неуловимо смягчилось. Из широкого рукава темного одеяния показалась бледная, холеная рука — Гето взял лежавший на столе телефон и скользнул взглядом по экрану.

Прочитав строчку Сатору о том, что тот умудрился заставить мальчика плакать, Сугуру застыл.

Его лицо окаменело. На бледном предплечье, натягивая кожу, вздулись жгуты вен, и в следующее мгновение под его пальцами раздался оглушительный треск. Корпус телефона лопнул, превратившись в груды пластика и стекла.

«Сатору, кретин ты безмозглый!»

Оторопевшая Манами замерла с открытым ртом, испуганно глядя на остатки аппарата в его ладони.

Всю дорогу до общежития Харе сгорал от стыда. И угораздило же его из-за этой дурацкой особенности расплакаться в самый первый день, да еще и прямо на глазах у отца, будущих дядей и тети! Какое унижение...

— Боже мой! Какое же позорище!

Уткнувшись лицом в подушку, он в сотый раз переворачивался с боку на бок, катаясь по кровати в своей комнате.

Сон не шел ни в один глаз, а от бесцельной возни он лишь окончательно растерял остатки дремоты. В его уединенной комнате царил полумрак. Харе стянул с лица повязку и небрежно бросил ее на тумбочку у изголовья.

Глядя в темный потолок широко распахнутыми лазурными глазами, мальчик мысленно прокручивал в голове каждую минуту, проведенную рядом с папой Годжо. Внезапно он резко сел в постели, осененный неожиданной догадкой:

«Постойте-ка... разве папа всегда был настолько дружелюбным со всеми подряд?»

Харе ведь уже доводилось общаться с ним в будущем, и разница была колоссальной! Та холодная, вежливая отстраненность, которую Сатору проявил при их первой встрече в Технической школе магии, куда больше походила на отношение к незнакомцу.

Но сегодня...

Неужели папе действительно известно, кто он такой?

Или он просто накручивает себя?

— Эй, Сукуна, а ты как думаешь? — Харе по привычке обхватил колени руками и повернулся в сторону, ожидая ответа.

— Сукуна?

В тишине комнаты никто не отозвался. Он перевел взгляд на пустующий край кровати.

— Ах да... совсем забыл... — Харе несильно стукнул себя ладонью по лбу.

Он же сам отпустил его...

Двуликий обмолвился, что у него есть какие-то дела, и ушел. Интересно, где он сейчас?

С самого момента их перемещения в прошлое Сукуна постоянно находился рядом. Хотел того Харе или нет, его ушей неизменно достигал этот низкий, властный, издевательский голос. Теперь же, когда в комнате воцарилась абсолютная, звенящая пустота, на душе сделалось тоскливо.

Ему безумно... не хватало его.

Харе обреченно рухнул обратно на подушки, укутавшись в одеяло по самый нос. Прислушиваясь к завыванию ветра за окном, он изо всех сил заставил себя закрыть глаза.

А глубокой ночью, когда порывы ветра стали совсем яростными, далеко-далеко от Технической школы магии, среди вековых деревьев затерянного в горах леса, где вихрем кружились багряные листья клена, бесшумно соткался массивный, могучий силуэт.

<http://bllate.org/book/19043/2005274>